

СТАРОФИНСКИЙ ЯЗЫК И ПИСЬМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ФИНЛЯНДИИ ПЕРИОДА 1560–1640 гг.

Братчикова Надежда Станиславовна,

*доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой финно-угорской филологии
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»
(г. Москва, РФ), n.bratchikova@mail.ru*

Начальный этап старофинского языка (1560–1640) является уникальным в плане совпадения двух исторических моментов: во-первых, литература данного периода была религиозной; во-вторых, религиозный и литературный языки представляли собой единое целое.

Материалом исследования выступили тексты периода католичества и раннего лютеранства. В ходе работы применялись анализ семантических моделей, риторических приемов, языковых структур (помог выявить особенности формирования старофинского языка и причины роста его влияния на аудиторию), контентный анализ текстов (позволил проследить этапы перехода в церковной службе от латинского и немецкого языков к финскому). Сравнение фольклорных текстов с переводными выявило их общие черты (повторы на уровне фразы и аллитерации).

Процесс формирования старофинского языка замедлялся использованием в обществе латинского языка. К середине XVI в. внешне- и внутреннеполитическая ситуация в Финляндии сложилась в пользу употребления финского языка в качестве инструмента религиозной власти и средства культурного воздействия на общество.

Письменная литература Финляндии рассматриваемого периода носила переводной характер. Переводная литература сыграла ключевую роль в формировании и развитии словесного искусства. Образованные люди изучаемого периода (Паавали Юстен, Яакко Финно, Хемминки из Маску, Эрик Соролайнен и Лаурентиус Петри) улучшили состояние письменного языка. Он обогатился диалектными формами и расширил свой лексический запас.

Ключевые слова: история финского языка; переводная литература; молитвенные тексты; средство воздействия на аудиторию; языковые и стилистические приемы.

Для цитирования: Братчикова Н. С. Старофинский язык и письменная литература Финляндии периода 1560–1640 гг. // Финно-угорский мир. 2018. № 4. С. 14–33.

Введение

Столетний отрезок времени – с 1540 по 1640 г., рассматриваемый в данной статье, в истории Финляндии относится к периоду католичества и раннего лютеранства; применительно к истории языка является частью этапа старофинского языка (около 1540 г. – около 1810 г.) [17, 30]. Своеобразие и неповторимость указанного периода заключаются в том, что в нем совпали два исторических момента – религиозный характер печатной продукции, обращаемой в Финляндии, и отсутствие разницы между церковным (*pipliakieli*) и литературным языками. Их разделение произошло только в XVIII в. [14, 151–152], причем для каждого были выработаны свои орфографические, грамматические и стилистические нормы.

Целью данного исследования является анализ языковой ситуации и письменной литературы Финляндии периода 1560–1640 гг., который классифицируется историками финского языка как начальный этап старофинского языка. Уникальность данного этапа заключается в плане совпадения двух исторических моментов: один из них – религиозный характер всей письменной литературы, другой – неразделимость, единая целостность религиозного и письменного языков.

Обзор литературы

Старофинский письменный язык и религиозная литература стали предметом пристального внимания филологов относительно недавно – в последние два десятилетия.

тилетия XXI в. До этого целенаправленно и глубоко изучались фонетические и морфологические преобразования в финском языке. Филологи-исследователи прослеживали развитие языка с раннего периода прибалтийско-финского языка-основы, излагали специфику финского языка как одного из финно-угорских языков, составляли всесторонний обзор синтаксического и лексического строя языка. Из фундаментальных исследований в области истории языка следует назвать монографию Л. Хакулинен «Развитие и структура финского языка» [6], М. Раполы «История литературного финского языка» [20] и трехтомный труд К. Вийка «История морфофонологии финского языка» [22; 23; 24], книгу Л. Лехикойнен и С. Киуру «Развитие финского литературного языка» [15]. Предметом отдельных научных изысканий стали вопросы происхождения финских слов, которые изложены в книге К. Хяккинен «Откуда берутся слова» [10]. Ей также принадлежит обобщающий труд по истории исследований финского языка [12], в котором основное внимание уделяется вкладу в развитие языкознания финских ученых XIX–XX вв.

Нацеленность на глубокое изучение финского языка была связана с социально-экономическими, общественно-политическими и историко-культурными процессами, происходившими в стране. Усилиями литераторов, лингвистов, историков формировалось чувство гордости и уважения к народной культуре, ее истокам. Без патриотической составляющей, без осознания народной истории, без любви к родному языку нельзя было строить национальное общество, независимое государство, развивать самобытную финскую культуру в соответствии с потребностями эпохи. Эти положения, по сути, составили программу национального развития, несмотря на то, что документально она не была оформлена.

Особое место в формировании национального самосознания принадлежит историческим личностям, деятельность которых определяла судьбу народа и государственности. Осмыслению духовного наследия, формированию национального

самосознания способствовали труды историков финского языка, в частности К. Хяккинен, которая занималась изучением творческого наследия «отца финского литературного языка» епископа Микаеля Агриколы. Хяккинен с коллегами ввела в научный оборот большое количество текстов религиозного содержания, проанализировала их, способствуя тем самым развитию духовно-нравственных ценностей народа Финляндии [7].

В XIX–XX вв. углубился интерес к познанию культурного наследия народа Финляндии, определению его места в мировом культурном пространстве.

В XXI в. научные исследования по финскому языку приобрели комплексный характер, установились многосторонние межотраслевые связи. Ярким примером нового направления научных изысканий стала книга Т. Лехтинена «Тысячелетия языка. Развитие финского языка от уральского языка-основы до периода раннефинского языка» [16]. Автор монографии, помимо того, что описывает основные этапы истории финского языка, представляет фонологическую, морфологическую и частично синтаксическую структуру финского языка, также рассматривает многолетнюю историю жизни финнов и их контакты с соседними народами. Предметом отдельного исследования выступили языковые и культурные контакты уральских народов.

Изучение истории страны, культуры и литературы через призму языка стало востребованным исследовательским направлением среди ученых-филологов Финляндии XXI в. Отныне лингвисты, психологи и историки приступили к совместному изучению проблем развития финляндского общества. Предметом исследований выступили тексты документальной, религиозной, публицистической и художественной литературы. Ученые исследуют эффект воздействия языковых средств на адресную читательскую аудиторию. Целью их научных изысканий стали механизмы формирования национального сознания, пути культурного и языкового единения нации, задачи и принципы языковой политики в государстве. Так, в кол-

лективном труде «Создавая общий язык» анализируется большой корпус текстов, написанных священниками и другими культурными деятелями эпохи Реформации, такими, как М. Агрикола, П. Юстен, Я. Финно [25]. Их труды повлияли на формирование идентичности финского народа, в том числе на желание отправлять церковную службу на национальном языке. Церковный язык стал предметом исследования авторов коллективного труда «Изучая слово. Взгляды на церковный язык и его употребление» [21]. На страницах этого исследования ученые-лингвисты внимательно изучили процессы замены латинского языка финским во время богослужений, превращения финского языка из народного в национальный.

Материалы и методы

Материалом для данного исследования послужили тексты, созданные в период католичества и раннего лютеранства на начальном этапе старофинского языка (1560–1640). Анализ семантических моделей, риторических приемов, языковых структур позволил выявить особенности формирования старофинского языка, причины роста его влияния на адресную аудиторию. Контентный анализ текстов дал возможность проследить этапы постепенного перехода в церковной службе от латинского и немецкого языков к финскому. Использование национального языка в богослужениях повышало его статус и, одновременно, соотносилось с проводимой языковой политикой государства. Сравнение фольклорных текстов с переводными продемонстрировало их общие черты (повторы на уровне фразы и аллитерации), что придавало текстам мелодичность и позволяло их быстро запомнить.

Результаты исследования и их обсуждение

Большую часть средневековой книжности шведско-финляндского общества периода католичества и раннего лютеранства составляют сочинения, общехристианские по тематике (библейские и богослужебные книги, творения отцов церкви, догматико-полемические произведения и т. п.).

Этот корпус литературных памятников, общий для скандинавского мира, обеспечивал внутри него создание религиозного, культурного и языкового единства.

В качестве инструмента религиозной власти на скандинавском полуострове использовалась латынь, которая в средневековом европейском пространстве выступала как *lingua franca*. Представление о наднациональной общности, основанной на использовании одного литургического языка, лежало в основе политической стратегии римской церкви и настолько укрепилось в сознании, что в расчет не принимались особенности разных стран, на второй план отодвигалась даже этническая обособленность северных народов, в том числе финнов.

Значительный корпус текстов на латинском языке, представленный в литературе Средневековья, объясняется традиционной «наднациональной» системой образования, господствовавшей в Европе. Тогдашние сверхдержавы, в первую очередь Италия и Германия, по сути, навязывали свои культурно-религиозные (римско-католическую и лютеранскую) и политические модели.

В Швеции – Финляндии, подобно многим европейским государствам, искусство письма было прерогативой и привилегией служителей церкви, миссией которых было изучение Слова Господня. Церковнослужители стали основателями, продолжателями и руководителями «литературной цивилизации» [3, 19], которая представлена литературными памятниками, проникнутыми религиозным духом. Все письменные тексты были разработаны церковной властью и оформлялись на латинском языке, достоинство (*dignitas*) и авторитет которого в передаче христианской догматики были давно установлены и не оспаривались. Шведско-финские священнослужители не нарушали установленную иерархию.

Латынь, религиозные тексты и епископ Паавали Юстен

Особого внимания заслуживает религиозно-просветительская деятельность епископа Паавали Юстена (Paavali Juusten,

1516–1576)¹. Важным приложением его сил стало составление богослужебных книг, Синодальных статуты (1573), чтение Евангелия и исполнение религиозных обрядов на латинском языке. Обращение к латинскому языку было определено «правилами игры», установленными литературой богословского содержания и которые определяли «выбор языкового инструмента, семантических моделей и приемов риторических ходов, логических и этических принципов» [3, 8].

Жизнеописание священников под названием «Хроника епископов финляндских» (*Chronicon et ordinaria successio episcoporum Finlandensium*, 1570)² – «самое важное произведение» Юстена, принесшее ему титул «первого историка Финляндии»³, оказавшее существенное влияние на дальнейшее развитие финской культуры и послужившее толчком к формированию историографической науки⁴.

Манускрипт относится к риторическому тексту, который имеет «информирующую, убеждающую и протокольно-этикетную направленность» [1, 47]. Текст «Хроники» характеризуется блочной структурой, определяющейся последовательностью событий (датирование событий по смене епископов; хронологическое развертывание изложения); контаминацией элементов (изложение материала и его оценочная характеристика); сочетанием модели *ab ovo* («исторический») с *in medias res* («по существу дела»); оценкой деятельности епископов в исторической перспективе.

Внутренний тезис работы Юстена звучит как «евангелическая церковь стоит в Финляндии на прочном фундамен-

те», в качестве аргументов приводятся биографические описания священников. Жизнеописания епископов представлены лаконично и убедительно. Они должны были вдохновлять и ободрять прихожан, даровать им моральную поддержку, уверенность в правильности жизненных устремлений и поступков. Для этого автором формируется образ деятельного лица, конкретные действия которого приводят к позитивному результату. Результативная семантика оформляется аористными формами глагола действительного залога: «учредил», «приобрел», «украсил», «установил». Значение взаимопреemptности деятельности епископов достигается неоднократным повтором имперфектной формы трех глаголов «учредить», «создать» и «сделать», частым использованием дативных конструкций «друзьям», «всем людям» и многочисленными сочинительными конструкциями.

Возвышенная риторика передается при помощи прилагательных в превосходной степени сравнения «светлейший и благочестивейший», а также выбором соответствующих качественных прилагательных: «славный и милостивый», наречий со значением оценки действия «благоговейно», «достойно», «отлично». Высшая степень оценки деятельности одного из епископов выражена через прецедентное высказывание из Книги Деяний: «Молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом» (Деян. 10:4)⁵.

Тексты религиозного содержания, к коим можно отнести «Хронику финляндских епископов», представляют собой культурную модель, привнесенную извне в шведско-финскую литературную сферу

¹ В 1554 г. король Швеции Густав Ваза назначил Паавали Юстена первым епископом Выборга, сдерживая и ограничивая таким образом власть епископа Туруской епархии Микаэля Агриколы. В 1563 г. по приказу короля Швеции Эрика XIV П. Юстен возглавил епархию Турку после того, как король Иоанн (Юхан) III (брат Эрика XIV) был заточен в замке, а преемник Агриколы епископ Пиетари Фоллингиус отстранен от занимаемой должности.

² Впервые произведение Юстена было опубликовано только в 1728 г. Через пятьдесят шесть лет великий финский просветитель Г. Портан осуществил переиздание «Хроники» (1784–1800), снабдив его критическими комментариями. Интерес ученых к данному литературному памятнику был вызван желанием изучить историю христианства в Финляндии.

³ См.: Juusten P. Suomen piispainkronikka / suomennos ja selitykset S. Heininen; SKS, SKST 476. Helsinki, 1988. S. 13.

⁴ Ее «отцом» считается историк, профессор риторики Генрих Габриэль Портан (Henrik Gabriel Porthan, 1739–1804) (см.: Вихавайнен Т. Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий. Хельсинки, 2004. С. 471, 477).

⁵ Juusten P. Op. cit. S. 56.

с сохранением при этом национального психотипа составителя. Носителям финской культуры свойственны осторожность и самостоятельность в принятии решения, немногословность и конкретность⁶. Стиль, известный в древнерусской литературе как «плетение словес», характеризовался изысканностью, выделенностью всех этимологических оттенков, музыкальными достоинствами, скрытыми аналогиями в словах и словосочетаниях [4, 121–122]. Составитель текста в этом стиле стремился передать глубокий психологизм, раскрыть душевные движения не только описываемого лица, но и самое себя, понимая, что «слова представляют собой духовную субстанцию». «Плетущий словеса» автор стремился выявить в своей речи «истинную сущность рассказанных фактов, очищая их от атериального смысла и сублимируя исключительно в духовном содержании» [2, 137].

В финской литературе стиль «витийства» не получил распространения, в первую очередь в связи с большим влиянием на формировавшуюся в Финляндии церковь западного богословия, чем восточного. Однако это не отрицает того факта, что античные традиции не были известны ни Агриколе, ни его последователям. Вторых, сдержанный национальный характер не позволил столь пышному, торжественному стилю привиться на почве финской культуры.

В «Хронике» эпитеты довольно однообразны по характеру и используются ограниченно. В арсенале языковых средств задействованы только три слова – ‘могущественный’, ‘прославленный’, ‘добрый’. Наглядный образ энергичного человека создается с помощью глаголов активного действия. К ним относятся глаголы, направленные на внеш-

ний объект, который видоизменяется при воздействии на него, например: ‘построил’, ‘перенес’, ‘утвердил’.

Торжественность темы христианизации Финляндии передается через обращение к так называемому *linguae sacrae* (‘священная латынь’). «Хроника» адресовалась просвещенной верхушке общества – королю, дворянам и духовным лицам.

К общей характеристике латиноязычной литературы в Финляндии тех лет стоит добавить, что некоторые тексты получили изящное оформление в виде сакрально значимых символов религии – купола и креста. В них гармонично и пропорционально располагались слова в соответствующем контуре символа порядке. Текст и изображение взаимодействовали друг с другом и воспринимались как один гигантский символ. Примером такого комплексного использования слова и символа являются стихотворное произведение Эрика Йоханнеса Юстандера (1623–1678)⁷ по случаю свадебных торжеств короля Швеции Карла X (1622–1660) в 1654 г.⁸

Духовенство Швеции – Финляндии имело в своем распоряжении обширную богословскую библиотеку на латинском, немецком и шведском языках. Сочинения духовных лидеров, таких, как Мартин Лютер, Эразм Роттердамский, Ян Гус, Фома Кемпийский, служили образцом при составлении церковных книг на национальном языке.

Переводная духовная литература u lingua volgare

Осознание государственными лидерами и духовными лицами необходимости единого и стабильного общества способствовало практическому пересмотру общественного мнения относительно на-

⁶ Sajavaara K., Lehtonen J. The Silent Finn // Jaworski A. (ed.). Silence. Interdisciplinary Perspectives. Berlin, 1997. S. 274.

⁷ Эрик Юстандер стал первым профессором кафедры риторики Университета Турку. Подобно образованным людям своего времени, он сочинял торжественные оды и эпитафии на латинском, греческом и немецком языках (см.: Melander T. Suomalaista Tilapäärinoutta Ruotsin wallan ajalta / SKS, SKST 176. Helsinki, 1928). Кроме того, как свидетельствовали современники, профессор риторики имел талант к написанию стихов-подражаний на древнефинском языке.

⁸ Стихотворения представлены в книге «Suomalaista Tilapäärinoutta Ruotsi wallan ajalta» («Стихи по торжественным случаям во времена владычества Швеции»), составленной Тойни Меландером (см.: Melander T. Op. cit.).

родного языка: на первый план вышло непосредственное общение с народом. Благодаря деятельности финского епископа Агриколы и его сподвижников была заложена основа подлинной культурной и религиозной самостоятельности финского народа. Воплощая в жизнь идеи Лютера о национальном развитии, Агрикола стал использовать финский язык в общении с паствой [9, 84–102]. Начиная с середины XVI в. финский язык постепенно приобретал статус культурного языка, способного не только употребляться в бытовых ситуациях, но и передавать высокие божественные идеи и понятия.

В культурных условиях Швеции – Финляндии не было соперничества между *linguae sacrae* ('латынь') и *lingua volgare* ('местные наречия') по поводу достоинства (*dignitas*), а также авторитета быть языком священных книг: переход на использование национального языка прошел относительно спокойно, без дискуссий, которые, например, велись в Европе в Средневековье и в Новое время⁹.

В епархиальных центрах (на западе страны г. Турку и на востоке – Выборг) литургии и проповеди велись на наречиях¹⁰, предоставляя финскому языку функции церковного языка с сохранением статуса разговорного языка [17, 32].

Большинство издаваемых религиозных книг были переводными, среди них молитва «Отче наш»¹¹, текст которой является исключительно важным материалом

в изучении истории христианизации европейского населения и в сравнении мировых языков¹². Финский язык, на который Агрикола перевел Новый Завет, стал основой литературного языка [17, 32], на который в дальнейшем переводились Священные писания, мессы, псалмы, проповеди и катехизисы. Переводная литература сыграла огромную роль в формировании и развитии словесного искусства [11, 24–26].

Служебник епископа Юстена и переводные молитвы

Переводчиками выступали местные церковные служащие. Их задача заключалась не только в передаче текста на национальном языке. «Переводчик – как и авторы, пересказчики, компиляторы – “творцы” текстов. Ясно, что тот, кто переводит текст, в свою очередь... “творит”, создает новый текст, ранее не существовавший» [2, 21]. Переводная духовная литература являла собой, в том числе, авторское размышление по поводу учений известных европейских реформаторов и включала некоторые местные особенности, что, например, имело место в Служебнике епископа Юстена «Святая Месса, надлежащим образом в финском городе Турку на финском языке составленная по обычаю не папскому, но евангельскому и христианской общиной /одобренному/» (*Se Pyhä Messu Somen kielen ei Pauin Mutta pyhän Euangeliumin ia Christilisen*

⁹ В Финляндии «вопрос о языке» возникнет только в XIX в. и сначала коснется шведского, как языка власти, и местных наречий/диалектов (финских), затем борьба за приоритет развернется между самими наречиями. Образец осмысления проблемы будет заимствован из *Questione della lingua*.

¹⁰ В XVI в. преимущество одного диалекта перед другим не являлось темой дискуссии. Епископ М. Агрикола, выходец из юго-западной части страны и родоначальник финского литературного языка, говорил на западном диалекте (см.: Mielikäinen A. *Uskonnollisen suomen kielen kehitys Agricolaista nykypäivään // Sanaa tutkimassa. Näkökulmia uskonnolliseen kieleen ja sen käyttöön / SKS, SKST 1398. Vantaa, 2014. S. 31*); епископ П. Юстен был родом из Выборга и использовал в творческой деятельности восточные диалекты (см.: Juusten P. *Op. cit. S. 13*).

¹¹ Из известных версий молитвы «Отче наш» самым древним считается перевод, опубликованный немецким ученым Себастьяном Мюнстером (1489–1552) в «*Cosmographia*» (1544). Переводной текст, очевидно, происходил со Средних веков, поскольку в нем отсутствовала доксология, т. е. произносимое в конце молитвы «Отче наш» славословие Богу («Ибо Твоё есть царство и сила и слава во веки веков. Аминь»). Она была добавлена Эразмом Роттердамским в собственном издании Евангелия от Матфея. Эта измененная версия легла в основу переводов Лютера, а затем М. Агриколы (см.: Tarkiainen V., Tarkiainen K. *Mikael Agricola. Suomen uskonpuhdistaja. Helsinki, 1985. S. 181–182*).

¹² Немецкий философ Лейбниц (1646–1716) собирал варианты перевода молитвы «Отче наш» на многие языки мира для установления родства, гармонии и различия между ними. Голландский политик, картограф, бургомистр Амстердама Николаас Витсен (Nicolaes Witsen, 1641–1717) отправил Лейбницу версии молитвы на языках нерусских народов Пермского Прикамья (коми, мари и манси), также некоторых самодийских народов (см.: Häkkinen K. *Suomen kielen historia 2. Suomen kielen tutkimuksen historia. 78. Turku, 2008. S. 40*).

Seuracunnan tauan iälken visusta Somen Turus coottu, 1575). Епископ упростил и унифицировал порядок богослужения, объединив все тексты в едином своде, включив в него перекопы из Нового Завета, тексты евангелий из шведских изданий 1567 и 1572 гг. и апостольские послания. Зная и уважая местные епархиальные традиции, Юстен указал в церковном календаре «Служебника» день самого почитаемого в восточной части страны святого Лаврентия (фин. *pyhä Lauri*)¹³.

Миссал Юстена содержал нотный раздел, что указывало на распевное исполнение многих его частей. Музыкальность и напевность были новшеством в лютеранской церкви Швеции – Финляндии, что делало службу более торжественной и придавало ей внешнюю привлекательность, усиливая эстетическую и эмоциональную стороны богослужения. Юстен сохранил в богослужении использование латыни наравне с финским языком. Кроме того, церковные праздники сохраняли прежнее название на латинском языке¹⁴.

Перевод религиозных текстов осуществлялся не только с латыни, но и с немецкого и шведского языков [11, 26–27]. Например, «Благодарственная молитва во славу Бога нашего Иисуса Христа, возносимая в день нового года» (*Yx Kijtossana ia Rucous wden vuoden päivänä*, около 1575 г.) была переведена со шведского языка. Произведение является литературной компиляцией текстов молитв, записанных Агриколой и Финно. В нем учтены указания Миссала Юстена. Молитва читалась «на всей территории Швеции и Финляндии с целью преодолеть партикуляризм епархий и перейти к литургической практике» [18, 53].

Анализ шведско- и финскоязычного вариантов текста показал их неидентичность. В финскую версию добавлен фрагмент текста, в котором возносится молитва о даровании Всевышним хорошей погоды на время посевных работ, о поддержке христиан во всех жизненных си-

туациях; воздается мольба о «крепком мире и длительном примирении после долгой войны и страшного кровопролития» (*ia ettäs sen pitkälisem sodan ja weren vlosssvuodatuxen/ iälken olet meille vahuan rauhan ia pijsyväisen sovinnon lainanut*) [18, 24]. В 1574 г. был издан королевский указ о включении в новогоднюю литургию и последующие воскресные службы данной молитвы. Молитва читалась в течение многих лет [18, 26].

Прихожане должны были читать Благодарственную молитву после удачного завершения дел, при исцелении и обращении к Богу за помощью, при этом к Богу надлежало обращаться следующим образом: «О, Господи всемогущий и Отец милосердный/ благодарю Тебя от всего сердца/ за Твои бесчисленные добрые дела/ и особенно за/ Твою милость величайшую/ сыном своим единственным/ ты наши грехи искупил/ и своим Словом священным просветил/ и от сна неведения пробудил» (*O Caickivaldias Jumala ia laupias isä/ me kijtäm sinua caikesta sydämestän/ caickein sinun lukemattomain hyvän tekois edest/ ia erinomaisest sen edest/ ettäs sulasta armostas/ sinun ainocaisen poicas cautta/ olet meidät lunastanut/ ia sinun pyhällä sanallas ylösvalistanut/ ia tähän tundemiseen tulla andanut*) [18, 43].

На основании переводных образцов финляндский христианин учился каяться в грехах: «О, всемогущий Господь и вечный Бог,/ Я ничтожный и никудышный/ скорбный грешный человек/ искренне раскаиваюсь в том,/ что я часто и грубо нарушал Твои Святые заповеди и шел против Тебя,/ а также по злему умыслу и не по воле моей/ грехи совершал в мыслях, словах и делах,/ так что накопилось многое множество беззаконий моих и они тяжким бременем стали давить на меня,/ раскаиваюсь и сожалею,/ что я не могу предстать перед ликом Твоим божественным и стать чадом Твоим» (*O Caickivaldias ijancaickinen Jumala/ minä vaivainen*

¹³ Святой Лаврентий был покровителем муниципалитета Финляндии Лаппеэн (Южная Карелия), он также изображен на гербе г. Лаппеэнранты. День памяти святого Лаврентия приходится на день его смерти 10 августа. Святой Лаврентий почитается католической и православной церковью и считается покровителем книг и библиотек.

¹⁴ Король Швеции – Финляндии и его сторонники оставляли обращение к латинскому языку в литургии.

epäkelvotoin/ murhelinen syndinen Jnhiminen/ tunnustan caikesta sydämestän/ että minä sängen palion ia kovan sinua ia sinun pyhä käskysanas vastan/ sekä tietten että tietämätä/ syndiä tehnyt ia rickonut olen/ aiatuxilla/ sanoilla ia töillä/ niijn että minun syndini ovat lukemattomat monet/ ia minullen sängen raskaxi ioutuneet/ ia sentädhen minä häpien itzelleni/ etten minä ole madholinen/ tulemahan sinun Jumalisen casuos ethen ia tutta sinun lapsexes) [18, 43].

Лексика финского варианта текста представлена конкретными существительными и характеризуется отсутствием абстрактных слов и понятий. Использование устно-поэтических традиций в переводном тексте также облегчает его восприятие и быстрое запоминание. Напомним, что музыкальность рунам придавали поэтические повторы на уровне фразы и, шире, куплета. Аналогичный прием используется переводчиками молитвенных текстов, например при создании синонимических параллелей: *vaivainen* – *epäkelvoton* ‘жалкий’ – ‘никудашный’, *murheellinen* – *syntinen* ‘скорбный’ – ‘грешный’, *syntiä tehnyt* – *käskysanat rikkonut* ‘грехи совершивший’ – ‘заповеди нарушивший’, *lukemattomat syndini* – *monet syndini* ‘бесчисленные грехи мои’ – ‘множество грехов моих’. Прием противопоставления, знакомый составителям переводных молитв из фольклорных произведений, активно употребляется ими в создаваемых текстах, например: *tietten* – *tietämätä* ‘вольно – невольно’. Всеобъемлемость неправедной деятельности передается с помощью конкретной лексики, например: *ajatus* ‘мысль’, *sana* ‘слово’, *työ* ‘дело’; *aiatuxilla* – *sanoilla* – *töillä* ‘мыслями – словами – делами’.

Эпическая традиция создала особый синтаксис – относительно простой с преимуществом имен существительных и глаголов, с минимальным количеством

прилагательных и наречий. Используется сочинительная связь с союзом *ja* ‘и’, а также подчинительная только с изъяснительным союзом *että* ‘что’.

Псалмы

Со временем финский язык стал приобретать статус языка, способного передавать «божественную правду», открытую в Священных писаниях. Однако определенная изощренность, т. е. норма, языка и тонкость в передаче абстрактных понятий еще отсутствовала, грамматика находилась в процессе формирования и за образец брались языки, пользующиеся большим престижем как носители духовных образцов. Литературный финский язык оттачивался на переводах духовных песен.

Наиболее известными книгами псалмов второй половины XVI в. считаются Книга духовных песнопений ректора и лектора кафедральной школы Турку Яакко Финно (Jaakko Finno, 1540–1588) и пробста Хемминки из Маску (Maskun Hemminki, 1550–1619)¹⁵. Переводы были прозаические и не имели стихотворного размера.

*Me kiitämme sinua,
me sinua rukoilemme,
me ylistämme ja kunnioitamme sinua.
Me sinua kiitämme
sinun suuren kunniasi tähden.*

*Oi Herra Jumala,
taivaallinen kuningas,
Isä, kaikkivaltias Jumala!
Oi Herra, kaikkein korkeimman ainoa Poika,
Jeesus Kristus!*

*Oi Herra Jumala,
Jumalan Karitsa,
Isän Poika,
joka pois otat maailman synnit,
armahda meitä!
Sinä yksin olet pyhä,
sinä yksin olet Herra,
sinä yksin olet korkein,
Jeesus Kristus,
Pyhän Hengen kanssa
Isän Jumalan kunniaassa.
Aamen¹⁶.*

¹⁵ См.: Juusten P. Op. cit. S. 69. Ранее М. Агрикола перевел с латинского языка около 30 духовных песен (см.: Kolehmainen T. Virsikirjan suomennoshistoriaa // Suomenoskirjallisuuden historia I / toim. H. K. Riikonen, U. Kovala, P. Kujamäki, O. Paloposki; SKS. Helsinki, 2007. S. 69).

¹⁶ Laudamus. На шведск. яз. Олави Петри 1531. На финск. яз. В рукописи Матиас Веста 1540-е гг. Микаэль Агрикола 1549. Книга псалмов 1938.

Мы благодарим Тебя,
мы Тебе молимся,
мы хвалим и чтим Тебя.
Мы Тебя благодарим,
Ибо велика Твоя слава.
Господи Боже,
Царь небесный,
Боже, Отче Всемогущий!
Господи Боже, высочайшего
единственный
Сын,
Иисус Христос!
Господи Боже,
Агнец Божий,
Сын Отца,
который берет на себя грехи мира,
помилуй нас!
Ты один свят,
Ты один Господь,
Ты один Всевышний,
Иисус Христос,
Со Святым Духом
Во славе Бога Отца.
Аминь.

Обращает на себя внимание наличие слова *ой* = «о» в финской версии псалма. Оно усиливает эмоциональную напряженность и субъективное восприятие стиха. Можно предположить, что слово «о» представляет собой форму звательного падежа – вокатива и употреблено в качестве обращения. Оно не имеет синтаксического отношения к другим членам предложения и может сравниваться с междометием. Форма ведет начало из индоевропейского праязыка. Звательный падеж отличался особой акцентуацией. Ударение переносилось на первый слог, как и в рассматриваемом случае *Oi Herra Jumala* = «О, Господи Боже!». Вокатив придает фразе оттенок уважительности к собеседнику.

Не исключено, что *ой* = «о» представляет собой фонетический вариант, восходящий к праиндоевропейскому корню **gū-* ‘жить’ → **gʷoio-* ‘жизнь’¹⁷. Этимологическое развитие глагола представлено следующим образом: пра-и.е. **gū-*

‘жить’ → пра-и.е. **gʷoio-* ‘жизнь’ → праслав. **gojь* → праслав. **gojiti* ‘живить’¹⁸. В финском языке, скорее всего, это слово воспринимается как междометие и становится вызывательным восклицанием, которое можно перевести как ‘слава’: Слава Иисусу Христу.

Псалмы сознательно не рифмовались, поскольку со времен Агриколы четырехстопный ямб, который позволял придать ритм строкам с агглютинативными конструкциями, воспринимался как атрибут безбожной языческой поэзии. По мнению Агриколы и его продолжателей, стихи должны создаваться по образцу поэтов других христианских стран с использованием концевой рифмы. При невозможности добиться созвучия концов строк текст надлежало представить в подстрочном варианте.

*Sinua, Jumala,
kansasi tunnustaa,
eteesi polvilleen
maanpiiri lankeaa.
Kerubit, serafit
ja vallat korkeat
taivaassa iäti
kiitosta laulavat:
Herramme Sebaot
on pyhä Jumala,
ja täyttää taivaat, maan
hän kunniallansa.*

Тебе Бога хвалим,
Тебе Господа исповедуем,
перед тобой на колени
вся земля припадает,
Херувимы, Серафимы
и вся Высшие Силы,
на небесах непрестанно
гласы взывают:
Господь Бог Саваоф,
Ты свят,
полны суть небеса и земля
величества славы Твоея.

Художественные средства финского языка для передачи божественного вели-

¹⁷ Согласно фонетическим особенностям финского языка слово не может начинаться с заимствованного согласного звука (*g, b*).

¹⁸ Исторически тот же корень представлен в слове *жить*. Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля фиксирует глагол *гойть* ‘говеть, жить, здравствовать’, т. е. *гой* может быть формой повелительного наклонения от этого глагола. Кроме того, слово *гой* засвидетельствовано в древнерусском языке и в других контекстах, где трактуется (по словарю И. И. Срезневского) как ‘мир, спокойствие, рах, fides, amicitia’. В древнерусском языке это слово более всего известно в составе приветственно-величальной формулы в значении ‘будь жив!’ или ‘будь здоров!’ (др.-рус. *жити* с исходным значением ‘кормиться, питаться, выздоравливать’, ‘жизнь’, ‘живить’, ‘живой’).

чия характеризуются большей обыденностью по сравнению с русскоязычными. В русском варианте рассматриваемого псалма используются церковнославянизмы, что помогает придать строкам торжественную вечность. В финской версии употребляются обиходные слова и выражения. Например, выражение «Святаго Утешителя Духа» передается синтаксической конструкцией *Hän sielut lohduttaa* («Он души утешает»). Словосочетание «Единородного Сына» представлено как точный перевод с латинского *unius* ‘единственный’, ‘единый’ – *Poikaasi ainoaa* («Сына единого»). Церковнославянское выражение «не возгнушался еси Девического чрева» звучит конкретно – *neitseestä syntynyt* («от Девы рожденный»).

Переводчикам, точнее толкователям, было свойственно делать семантические замены, позволявшие передавать контекстуальное, ситуативное значение слова, например метафорическое выражение «смерти жало» заменено выражением, представляющим смерть через самопожертвование: *itsesi uhraten* – «себя в жертву принеся».

Ощущение торжественности и пафоса передается при помощи синтаксиса. Фраза строится с обратным порядком слов Subj. + Obj. + V вместо привычного Subj. + V + Obj.: *Hän sielut lohduttaa* – «Он души утешает». Трансляция текстов на финский язык нацелена на максимальную передачу сути сказанного, чаще перевод носит смысловой, а не буквальный характер.

Около 1583 г. был издан первый финскоязычный сборник духовных песен под названием *Yxi Wähä Suomenkielinen Wirsikiria*. Он включал в себя 101 песню, которые Финно перевел с латыни, шведского и немецкого. Цель сборника была способствовать утверждению истинной веры, особенно среди юношества. В стихах ярко выражено религиозное начало, они не лишены лирического чувства.

Для придания стихам мелодичности Финно стремился их зарифмовать на европейский манер стихосложения. Он пытался добиться концевой созвучия строк, рифмуя слова *pääst* – *miest*, *pääll* – *työll*, *armias* – *karmias*, *poica* – *coitat*; сокращая

формы (*aut* вместо *auttaa* ‘помогать’) и произвольно изменяя форму слова, придумывая ничего не значившие звукосочетания, используя анапест. Финно даже применял сапфическую строфу, рифмуя против всех правил финского стихосложения, но порой добиваясь концевой созвучия.

*Rikokset suuret, kuin tulevat kanteeks,
Ne sinä, Herra, anna meidän anteeks,
Niin kuin me meidän vainomiesten vian
Unhotam pian.*

Грехи, когда случится их нести,
Ты их Господь для нас прости,
Как мы, прощая вражий грех,
Забудем быстро тех.

В некоторых псалмах, например в «Песне утра» (*Aamu virsi*) и «Песне путников» (*Matkamiesten virsi*), передаются лирическое чувство и мелодия небесных сфер.

*Wihollinen carckot cauias,
Suo meidhän olla mös rauhas,
Aut että me nijn eläisim,
Että me waarat wältäisim*¹⁹.

Враг изгнан далеко,
Дай нам жить легко,
Помоги нам так прожить,
Чтоб опасность пережить.

Сборник Финно занял почетное место в библиотеке духовной литературы, хотя в целом попытка рифмовать строки на финском языке не увенчалась успехом [13, 71].

Более одаренным автором духовных песен считается пробст Хемминки. В свой сборник он включил стихи Финно и добавил еще 141 песню. Большинство произведений были его собственные переводы из сборников духовных песен на шведском, немецком и латинском языках.

Техника стихосложения Хемминки несовершенна, однако тексты талантливее, свободнее, раскрепощеннее, чем у Финно. Поэт позволял себе менять оригинальный текст, опускать строфы, по-своему их объединять и добавлять собственные мысли. Его переводные тексты являются, скорее, вариациями на предложенную тему.

*Linna luja on Jumala
Meidhän myös vahva vuori,
Sota Herra kyll camala
Tukiturva ja muuri.*

¹⁹Цит. по: Kolehmainen T. Op. cit. S. 71.

*Vastan vainolisii ja murha miehi
Qvin surkijan surmaan ja juuri julmaan
Meit vetäväd vanhoi ja nuorii*²⁰.

Оплот наш Бог
и прочная твердыня,
В войне ужасной
Он служит нам защитой.
Он изгоняет, бьет врагов
Коварных и жестоких.
Он защищает стариков и отроков.

Хемминки писал на юго-западном диалекте, сохраняя в своих произведениях свойственные этому наречию черты, например редуцированные дифтонги и озвончение конечного *t*. Для придания стихотворению мелодичности поэт активно применял такую яркую особенность финских фольклорных текстов, как явление аллитерации: *linna luja, vahva vuori, vastan vainolisii, juuri julmaan*.

Талант Хемминки проявился в переводах латиноязычного сборника духовных песен *Piae cantiones*, который был издан в 1616 г. Финноязычный вариант средневекового гимна *Jesu Dulcis Memoria*, сделанный Хемминки, представлен в современных сборниках духовных песнопений лишь с небольшими изменениями.

*Jesuxen miusto ihana
Sydhämell ilon andava
Jesu sydhänden lohdhutus
Elon alcu, mielden valkjus,
Caiken riemun ylidz iloisis.
Pääll hunajan makjun maundö
Makjamb hänen läsnäolendons
Ei veisat suloisembata
Eikä cuulla caunembata
Cuin Jesu Jumalan Poica*²¹.

Светлая память о Иисусе
Сердце наполняет.
Иисус есть души утешение.
Жизни начало, ума просветление,
Радость все вокруг заполняет.
Слаще меда вкусного
Его присутствие благостное.
Ничто не поется так гладко,
Ничто не звучит так сладко
Как имя Иисуса, сына Божиего.

Творческое наследие Хемминки насчитывает более 200 псалмов, которые составляли основу так называемой душев-

но полезной литературы вплоть до 1886 г. Авторы текстов переводов осознавали неразработанность финского языка для поэзии и указывали на трудность подобрать соответствующие языковые средства, чтобы выразить великие божественные таинства. В поисках решения некоторые авторы занимались словотворчеством (Агрикола), другие пытались изменить структуру слова (Финно), третьи опирались на фольклорные традиции (Хемминки), стараясь усовершенствовать язык.

Проповеди и катехизисы

Специалисты в области истории финского языка и литературы относят предисловие сборника духовных песнопений Финно к проповедям²². В работе над ним автор придерживался структуры поучения, в котором все составные части тексты связаны общей темой. Он стремится убедить читателя в истинной красоте христианского псалма, который единственно может защитить человека от соблазна грехов. Эта тема пронизывает предисловие, начиная с первых строк, затем последовательно раскрывается в сопоставлении псалмов с «народными», «бесовскими» песнями и, наконец, обобщается в заключительной части введения. Божественным песням надлежит поклоняться, «прославляя от всей души милость Господа нашего Иисуса Христа», повсюду и во всем «слышать, чувствовать и держать в сердце Слово Божье».

Näillä sanoilla manapi P. Paavali ei vaivoin opettaita, mutta myös kuulijoita, että he Jumalan sanaa viriästä, visust, ahkerast, aina ja joka paikas ja liiatenkin jumalasis kokouksis, kuka ikänäns se taitais tapahtuu, kuulisit, ajattelisit ja rukouksis sekä veisuis edesäns pitäisit ja sitä niin rakastaisit, että se sekä heidän oman että myös muiden sydämiin taitais tarttua, juurtua ja siellä alat pysyy. Ja sentähden hän myös sanoo, että sen pitäis asuman meidän seasam («Такими словами вразумлял святой Павел не только учителей, но также и слушающих, чтобы они

²⁰ Kolehmainen T. Op. cit. S. 73.

²¹ Ibid. S. 74.

²² Maliniemi A. Suomen keskiaikainen kirjallisuus // Suomalaisen kirjallisuuden seuran käsikirjoitusarkisto. KL 11374. 1963. Laatikko 3. S. 115.

Слово Божье с бодростью, тщанием и прилежанием, всегда и повсюду, а более всего на божественных собраниях, что может быть в любом возрасте, слышали бы, внимали бы во время молитв и песнопений перед глазами держали и столь возлюбил бы его, что Оно поселилось бы в их сердце и сердцах других, укореняясь и навсегда там оставаясь. Вот почему святой Павел пожелал также, чтобы должно ему было пребывать среди нас»).

Стиль рассматриваемого текста характеризуется многократным использованием форм императива (форм 1-го и 2-го лица множественного числа *opettakaat* 'научайте', *manatkaat* 'вразумляйте!'), употреблением «мы»-форм и глагольных конструкций в сослагательном наклонении (*pyyuis* 'сохранилось бы', *hedelmäitsis* 'плодоносило бы').

Формы сослагательного наклонения наряду со значением пожелания, призыва придают посланию эмоционально-экспрессивную окраску торжественности и позволяют «создать связь времен» – текущего и будущего. Ощущение величественности передается инверсией (Subj. + Obj. + V). Инверсивные конструкции употребляются в семантически важных фрагментах, где присутствуют такие сочетания, как *Божье Слово, Господний, Христов*. Категория побудительности к действию выражается грамматическими конструкциями со значением необходимости (*pitäis asuman, oleman*), при этом сохраняется смысловое значение пожелания, совета, но не диктата. Для проповеди эти приемы являются стилистически значимыми, так как позволяют установить доверительные отношения между священником и паствой, создать ощущение близости и единства. Текст сочетает в себе функции сообщения и воздействия, в которых реализуется просветительская и дидактическая направленность [5, 20].

Катехизисы Лютера вызвали большой энтузиазм в создании подобных работ. В 1537 г. под руководством Олауса Петри катехизис был переведен на шведский язык. Агрикола включил в «Азбуку» (*ABCkiria*, 1543) катехизис под названием «Постулаты веры» (*Alkuoppi uskoon*). В XVII в.

были изданы четыре катехизиса, которые представляли собой переводы «Малого катехизиса» Лютера. Из них заслуживает упоминания катехизис Финно (второе издание 1615 г.), весьма активно использовавшийся приходскими священниками. При его составлении Финно опирался на катехизис Юстена, отдельные положения катехизиса Давида Хитреуса, а также на аналогичные шведоязычные издания.

В первой четверти XVII в. из-под пера епископа Эрика Соролайнена (*Ericus Eriki – Eerikki Sorolainen*, 1545–1625) вышли крупнейшие духовные тексты на финском языке: в 1610–1620-е гг. Катехизис, Служебник и Постилла, двухтомный сборник проповедей на все воскресные и праздничные дни церковного года.

Постилла (*Postilla Eli Vlgostoimitus nijhen Evangeliumitten päälle quin ymbäri aiastain, saarnatan Jumalan seuracunnassa*, 1621 – 1625) представляла собой свод проповедей. Издание основывалось на уже имевшихся зарубежных аналогах, однако при этом носило черты самостоятельного произведения, так как помимо прямых переводов старых религиозных текстов и цитат из древних письменных источников, оно включало тексты, составленные самим финским епископом.

Как отмечают историки финской литературы и культуры, ко времени епископства Соролайнена проповедь как акт общения священника с паствой потеряла свою пышность, торжественность, яркость и притягательность [19, 91]. Показательно, что финский епископ использовал текст четырех немецких Постилл, подчеркивая при этом свою самостоятельность. Однако беспрекословно преданный идеям и духу учения Лютера автор практически без изменений вставлял тексты великого реформатора.

Превращение проповеди в застывшую форму лишило ее живого содержания. Она полностью следовала ортодоксии, придавая центральное значение вере и разъясняя на основе религиозного учения каждое предложение. Любое религиозное состояние или постулат аргументировалось цитатами из работ Учителей Церкви (Аврелия Августина, Иеронима Стридон-

ского), а также Отцов Церкви (Эразма Роттердамского, Мартина Лютера и Филиппа Меланхтона).

Соролайнен убедительно доказывает читателю приоритет Закона Божьего и неминуемость наказания за его нарушение. Нагляден в связи с этим сюжет о муках, испытываемых в аду богатым купцом.

Kieli tässä enimmäst piinataan sentähden, että hän sen kanssa oli enimmäst syntiä tehnyt ylensyömisessä ja juomisessa, sen kanssa väärin vannonut, Jumalan nimeä pilkannut ja häväisnyt ja hänen lähimmäistensä panetellut («Язык страдает больше всего на том свете из-за того, что им богач совершал больше всего грехов, занимаясь чревоугодием, пьянствуя, нарушая клятвы, богохульствуя, святотатствуя и злословя на близких своих»).

Притча наглядно демонстрирует христианину значение слова «грех». Этот отрывок любопытен и с лингвистической точки зрения, так как через конкретные образы и действия описывается многозначность термина «язык».

В проповеди рассказывается, что ждет христианина после смерти. Однако рай представлен весьма абстрактно. Подробная картина рая не отражена даже в Библии: «...не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Коринфянам 2:9). В противоположность райским кушам дается конкретная, чувственно-детализированная, физически ощущаемая картина ада и адских мучений грешника. Ад описан через испытываемые физические страдания, невыносимую боль, слезы и мольбы о прекращении пыток.

Рай. *Karitsa joka stuolin keskellä ompe hallitsee heitä ja johdattaa sen elävän vesilähteen tygö* («Агнец, который среди престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод»).

Ад. *Se liekki ja tuli, kuin siellä on, on palavampi kuin kaikki tämän mailman tulet. Ja tosin he iankaikkisesti palavat, ja heidän tulens ei ikänä sammu, ja heidän matons ei ikänäns pidä kuoleman. Heidän pitää etsimän kuolemata ja ei löytämän:*

he pyytävät kuolla mutta kuolema pois-pakenee heistä. Siellä heillä pitää oleman itku ja hampain kiristys. Ei heillä pidä oleman lepoa eikä yöllä eikä päivällä... («Это дым и огонь, который там есть, более палящий, чем огонь на этом свете. И пылают они вечно, и их огонь никогда не угасает, и червь их никогда не умирает. И взмолятся человеки о смерти и не обрящут ея. И вожделят умереть, и бежит от них смерть. И будет там плач и скрежет зубов. Нет им отдыха ни днем, ни ночью...»).

Финский епископ использует прием повтора, который заимствован из устно-поэтического народного творчества, но при этом переосмысливается значение слова «огонь», представленного в финском языке синонимической парой *liekki* ‘факел’ – *tuli* ‘огонь’. Языковая игра основана на столкновении двух создаваемых образов: *liekki* – ‘огонь карающий, пожирающий’, ‘адский огонь’, *tuli* – ‘очищающий’, ‘освобождающий’.

Огонь сжигает то, что достойно сожжения, он пугает, так как предназначен для наказания греха, при этом огонь несет свет, озарение и чистоту. В русском языке эти значения передаются парой слов «дым и огонь», например, «дым мучения» (Откр. 14:11), «в дыму исчезнут нечестивые» (Пс. 36:20); «и будет земля его горящею смолою; ...вечно будет восходить дым ее» (Ис. 34:8–10). «Мрак вечной тьмы» (Иуд, 10–13), дым, полная темнота ассоциируются с адом. Дым стелется внизу, огонь поднимается вверх, словно указывая человеку на возможность изменяться и совершенствоваться. Испытание огнем подразумевает собой очищение, просвещение и преобразование.

В формировавшейся финской литературе, бесспорно, Постилла стала достойным литературным памятником, равно которому не было в то время во всем скандинавском культурном мире²³.

Проповеди – довольно распространенная форма общения священника с прихожанами. Заслуживает упоминания творче-

²³ См.: Maliniemi A. Op. cit. S. 94.

ское наследие пастора Лаурентиуса Петри (около 1610 г. – 1671 г.) по прозвищу Або-икус («происходящий из Або-Турку»). Он составил два сборника проповедей на финском языке объемом около 270 страниц: «Пояснения к чтениям утренним, вечерним, а также перед вкушением пищи» (*Selityxet Joca-Päiväisten Huomen-, Ehtoja Ruocaluquin eli siunauxten*, 1644) и «Несколько христианских проповедей об общем исповедании грехов и благословении» (*Yhteiset Synnin Tunnustoxest ia Hyvästi-siunauxet*, 1644), написал книгу комментариев к катехизису, предназначенную для священников (1634), перевел псалмы на финский язык. Ощущение легкости, воздушности, мелодичности и ритма является характерной чертой псалмов пастора.

*Taivaan iloa, taivaan riemua
Ei voida kuvailla.
Kaikki sanat ovat köyhät
kertomaan taivaasta,
sen juhlariemusta,
sen juhlariemusta,
oi Herra Sebaot!*

(*Virsi 618*)

Радость небес, ликование небес
Невозможно описать.
Все слова бедны,
чтобы поведать о небесах,
о его торжествах,
о его торжествах,
О, Господь Саваоф!

(Пс. 618)

Хроника религиозных дел Финляндии

В историю финской культуры и религиозной литературы Лаурентиус Петри вошел как автор «Хроники происшествий и религиозных дел Финляндии» (*Ajan tieto Suomenmaan menois ja uscost, erinomaisest Suomen Pispoist cunгин Kuningan ajall, lyhykäisijn rijmein coottu*, 1658). Это была первая книга по истории Финляндии на финском языке, которая охватывает широкий период истории – с древнейших времен до середины XVII в. Она написана в стихотворной форме и доходчиво из-

лагает основные значительные события в жизни страны и церкви²⁴. Для достижения простоты автор использует языковые средства, связанные с топами более низких уровней изложения. Конкретность, ясность и четкость повествования были предназначены для широкой читательской аудитории.

В представленном отрывке из «Хроники» рассказывается о епископе Эрике Со-ролайнене.

*28. Sitten Pispa Laitilasta
Papin Poica Pappilasta,
Mestar Erick Erikin Poica,
Joca Opis oli okia (!):
Miehex se cuin selväh nähtin,
Cuningas Johald Adelix tehtin
Kirjoitti se caunin Kirjan
Suomenkielisen postillan,
Catechismuxen, ja muuta,
Joisa on vaanha ja uutta.
Tain ajalla Rutto Suomes,
Lijckui melkein joka Huones.
Turcu paloi Tupinensa,
Kircko kempi kelloinensa²⁵.*

Далее 28-й епископ из Лайтила, Родом из дома пастора, Эрик магистр, Эрика сын, учение верное разъяснил: нрав твердый явил, Король Иоанн его в дворяне посвятил Красивую Эрик составил Книгу На финском языке написал Постиллу, Катехизис и другое людям оставил, В них старое рядом с новым поставил. В ту пору в Финляндии Чума гуляла Черная смерть к себе забирала. Турку сгорел со всеми домами, Собор с огромными колоколами.

Стихотворная форма способствовала легкому восприятию и запоминанию текста. Рифма достигалась за счет использования однотипных падежных окончаний элатива *-sta* (*Laitilasta – Pappilasta*), партитива *-ta* (*muuta – uutta*), усеченных форм инессива *-s* (*Suomes – huones*), генетива *-n* (*kirjan – postillan*), комитатива *-ne-* (*tupinensa – kelloinensa*), показателей пассивного залога *-tiin* (*nähtin – tehtin*), совпадения основ имен

²⁴ Прошло более полувека с момента написания епископом П. Юстеном «Хроники епископов финляндских» (1570), которая так и не была дописана им из-за преждевременной смерти. Летопись была составлена на латинском языке. Для нее были характерны возвышенный стиль, патетический тон, высокая лексика, лишённая бытовых коннотация.

²⁵ URL: <http://poistyopoydalta.blogspot.ru/2010/10/laurentius-petrin-ajantieto-1684.html> (дата обращения: 02.12.18).

существительного *poika* и прилагательного *oikea* (*poica – okia*).

Л. Петри можно по праву отнести к основоположникам церковного песнопения и проповеднической литературы на финском языке. Его творчество является наглядным примером сближения книжной поэзии с фольклором, продуктивного освоения ею особенностей фольклорно-эпической поэтики. Петри заложил основы научной литературы в Финляндии, занимаясь сбором и изучением пословиц финского народа.

Воспитательная литература

Религиозная литература имела ключевое значение в благочестивом воспитании подрастающего поколения. Во времена Агриколы христианское воспитание ограничивалось букварем ABC-*kiria* и Катехизисом, спустя более полувека возникла потребность в составлении подробных руководств для христианской жизни.

Существенную роль в системе приходского и домашнего воспитания играла «Золотая книга» (*Cullainen kiria*, 1530) Эразма Роттердамского (Erasmus Rotterdamlainen, 1466–1536). Трактат о правилах поведения для юношества был переведен сначала на шведский язык (1620), спустя 50 лет епископ Турку, богослов Йоханнес Гезелиус (1615–1690) опубликовал его на четырех языках, в том числе на финском. Исследователь истории финского языка М. Кууси предположил, что переводчиками трактата могли быть два священника: либо сын известного составителя проповедей, пастора прихода Таммела Лаурентиуса Петри Габриэль Таммелинус, который к тому времени уже был ректором кафедральной академии в Турку, либо сын священника Матти Флоринуса из Паймио Хенрик Флоринус, священник из Хямеэнлинны, директор начальной школы²⁶. Весьма вероятным может быть, что перевод явился результатом совместного труда этих двух деятелей церкви.

На то, что перевод делал не один человек указывает разнородная орфография: в тексте встречаются правописание сочета-

²⁶ В 1702 г. Х. Флоринус выпустил первый сборник пословиц финского народа.

ния *ts* как *tz* или *dz*. Слово могло оформляться двояким образом в зависимости от принадлежности автора перевода к одной из двух диалектных групп, например: *häpeeksi – häpiäksi, jaloillansa – jalvoillans; pois – poijes*. Кроме юго-западного диалекта и диалекта хяме в переводе присутствуют слова и обороты, характерные для северной группы диалектов, например: *oikian jalaan, (me) näemmä, metkin olemma*. Встречаются архаизмы: *inhiminen* вместо *ihminen* ‘человек’, наречие *nytt* вместо *nyt* ‘сейчас’. Несоблюдение орфографического единообразия в переводном тексте натолкнуло исследователя Кууси на мысль, что перевод трактата мог быть учебной работой слушателей туркуской академии, как это было заведено со времен Юстена [8, 61].

Двойственность была и в лексике: давалось переводное слово, а в скобках указывался синоним, например: *taimen (planttuin)* ‘росток’, *muorit (frouvat)* ‘госпожа’, *onni (rakkaus)* ‘счастье/любовь’, *sänkykamari (kammio)* ‘келья’. Однако Хяккинэн считает, что использование синонимической пары не указывает на групповое авторство перевода, поскольку запись заимствованных слов через синоним была введена еще Агриколой [8, 61].

В финноязычном переводе встречаются конструкции, которые не употреблялись в текстах на старофинском языке, например: несогласованные инструктивные сочетания типа *hajalla polvin* ‘колени расставлены’, *ristissä säärin* ‘ноги скрещены’, в которых одно из слов выражено в форме местного падежа (адессива *hajalla* или инессива *ristissä*), второй компонент дается в форме инструктива (*polvin, säärin*).

Книги, подобные трактату Эразма Роттердамского, интересны с лингвистической точки зрения по тому, что в них упоминались реалии, не знакомые жителям северных территорий Европы. Перед переводчиком стояла задача найти для них эквивалент на местном языке. В некоторых случаях приходилось калькировать слова, например: дат. *gaffeli* ‘вилка’ (= фин. *haarukka*), лат. *fasianus* ‘фазан’ (= фин. *fasaani*), нем. *kapuuna* ‘холощесный петух’ (= фин. *salvokukko*). В перево-

дном тексте встречаются названия национальностей: *englenderi* ‘англичанин’ (фин. *englantilainen*), *fransuusi* ‘француз’ (фин. *ranskalainen*). Впервые были введены в оборот такие производные слова, как *aivastus* ‘чиханье’; *lahjoittaja* ‘жертвователь’, ‘даритель’; *kynsiä* ‘царапать’, ‘чесать’; *maiskuttaa* ‘чавкать’, ‘причмокивать’; *rivopuheinen* ‘любящий сквернословить’. Хяккинен отмечает оригинальные переводческие решения, например сложное слово *juoppolalli* ‘нечестивый пьяница’, ‘забудыга’. Оригинальность словоформы состоит в том, что первый компонент *juoppo* является именем существительным, нарицательным, обладающим конкретным значением ‘пьяница’; второй компонент – собственное мужское имя Лалли (*Lalli*), ставшее нарицательным и указывающее на нечестивого, некрещеного человека [8, 63].

Структура и содержание трактата были полезны не только с точки зрения привития правил воспитания человека в обществе, но и с лингвистической точки зрения. Трактат состоял из трех частей, в каждой из которых рассматривались отдельные темы (анатомия человека, одежда и манеры поведения), требующие соответствующей терминологии. Нелицеприятные и благородные характеристики сопровождались примерами, уподоблениями с негативными явлениями («хохотать как лошадь», «дышать носом словно горнист на трубе или как слон»). К разговорным и просторечным относились такие выражения, как *minä repeen naurosta*, *halkeen naurosta* ‘я лопну от смеха’, *kuolen naurosta* ‘помру от смеха’.

Вводились четкие правила поведения, причем нарушение манер хорошего поведения трактовалось, например, как «симптом безумия, помешательства», «признак лениности», «черта воришки». Эразм Роттердамский объяснял читателю, что такое стыд, «срамные места тела», которые надо обязательно прикрывать. Требование быть стеснительным объяснялось постоянным присутствием ангелов.

Полезным в трактате было сравнение манер поведения разных народов, при этом объяснялось, какие обычаи устарели

или свойственны определенному классу; сравнивались стили одежды в странах Европы и предостерегалось вести себя «как мартышка» или уподобляться «павлину». Наконец, читателю разъяснялись правила поведения в церкви, где нельзя было прогуливаться словно по площади, во время молитвы надо «становиться на оба колена», «ибо стояние на одном колене с опорой левой руки на другом» являлось манерой поведения «нехристей-вояк», которые «глумились над Иисусом Христом». Автор подчеркивал необходимость чтения утренних и вечерних молитв. Иными словами, трактат являлся энциклопедией воспитанного человека. Трактат пользовался огромной популярностью, так как знакомил подрастающее поколение Финляндии с европейскими благородными манерами. С лингвистической стороны данный перевод обогатил лексику новыми словами. Язык перевода был красочен благодаря удачно составленным сравнительным оборотам.

Заключение

Этап старофинского языка (1560–1640), рассматриваемый в данной статье, является уникальным в плане совпадения двух исторических моментов: во-первых, литература данного периода была в основном религиозной; во-вторых, религиозный язык и литературный язык представляли собой единое целое. Позднее произойдет их разделение на церковный (*pipliakieli*) и литературный языки. Для каждого будут выработаны свои орфографические, грамматические и стилистические нормы.

Процесс формирования старофинского языка замедлялся активным использованием в обществе латинского языка, который, обладая неоспоримым «достоинством» и «авторитетом» для передачи сакральных текстов, являлся официальным религиозным языком во всей Европе. Однако к середине XVI в. внешне- и внутренне-неполитическая ситуация в Финляндии сложилась в пользу употребления финского языка в качестве инструмента религиозной власти и средства культурного воздействия на общество.

Письменная литература Финляндии рассматриваемого периода носила переводной характер. Она появилась на национальном языке благодаря подвижнической деятельности М. Агриколы и его соратников П. Юстена, Я. Финно, Хемминки из Маску, Э. Соролайнена и Л. Петри.

Переводная литература сыграла ключевую роль в формировании и развитии словесного искусства. В период 1560–1640 гг. образованные люди, вовлеченные в переводческую деятельность, улучшили состояние письменного финского языка. Он обогатился диалектными формами и заметно расширил лексический запас. Национальная литература стала осваивать особенности фольклорно-поэтической поэтики. Можно утверж-

дать, что к середине XVII в. финский язык был «языком культуры», выполнял литургические и административные функции. В тот период важнейшие для духовной культуры и светской литературы произведения были написаны на финском языке.

К сожалению, Агрикола так и не выполнил поставленную перед собой задачу перевести Библию на финский язык. Первый перевод Библии на финском языке появится спустя более 80 лет после смерти Великого реформатора – в 1642 г. Перевод Священного Писания повысит престиж национального языка. На долгие годы этот текст закрепит орфографические и грамматические нормы государственного и церковного финского языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гольшикина Л. А. Риторический текст как инструмент преодоления конфликта. *Lingua mobilis*. 2014. № 2 (48). С. 46–54. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/ritoricheskiy-tekst-kak-instrument-preodoleniya-konflikta> (дата обращения: 10.12.2018).
2. Пиккио Р. Древнерусская литература / пер. с итал. М. Ю. Кругловой, И. В. Михайловой, Е. Ю. Сапрыкиной, А. В. Ярмайской; предисл. А. С. Демина; отв. ред. Д. С. Менделеева. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 352 с.
3. Пиккио Р. SLAVIA ORTHODOXA. Литература и язык / отв. ред. Н. Н. Запольская, В. В. Калугин. Москва: Знак, 2003. 720 с.
4. Полежаева А. Е. Второе южнославянское влияние в русской агиографии. Становление стиля «плетения словес» // *Вестник МГЛУ*. 2012. Вып. 4 (637). С. 117–127.
5. Прохватилова О. А. Экстралингвистические параметры и языковые характеристики религиозного стиля // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 2: Языкознание. 2006. Вып. 5. С. 19–26.
6. Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. Фонетика и морфология. Москва: Изд-во иностр. лит., 1953. Ч. 1. 311 с.
7. *Agricolan aika / toim. K. Häkkinen, T. Vaittinen*; BTJ Finland Oy. Helsinki, 2007. 266 s.
8. Häkkinen K. Erasmus Rotterdamlaisen Cullainen kiria // *Suomennoskirjallisuuden historia I / toim. H. K. Riikonen, U. Kovala, P. Kujamäki, O. Paloposki*; SKS. Helsinki, 2007. S. 59–63.
9. Häkkinen K. Mikael Agricolan teokset ja kieli // *Agricolan aika / toim. K. Häkkinen, T. Vaittinen*; BTJ Finland Oy. Helsinki, 2007. S. 84–102.
10. Häkkinen K. Mistä sanat tulevat. Suomalaista etymologiaa / SKS. Tietolipas 117. Helsinki, 1997. 326 s.
11. Häkkinen K. Suomalainen kirjallisuus Ruotsin vallan aikana // *Suomennoskirjallisuuden historia I / toim. H. K. Riikonen, U. Kovala, P. Kujamäki, O. Paloposki*; SKS. Helsinki, 2007. S. 24–47.
12. Häkkinen K. Suomen kielen historia 2. Suomen kielen tutkimuksen historia / *Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja* 78. Turku, 2008. 246 s.
13. Kolehmainen T. Virsikirjan suomennoshistoriaa // *Suomennoskirjallisuuden historia I / toim. H. K. Riikonen, U. Kovala, P. Kujamäki, O. Paloposki*; SKS. Helsinki, 2007. S. 69–81.
14. Lauerma P. Aluemurre vai murteiden yhdistelmä? Keskustelu kirjakielen perustasta 1800-luvun alkupuolella // K. Huumo, L. Laitinen, O. Paloposki (toim.). *Yhteistä kieltä tekemässä. Näkökulmia suomen*

- kirjakielen kehitykseen 1800-luvulla / SKST 979. Helsinki, 2004. S. 136–176.
15. Lehikoinen L., Kiuru S. Kirjasuomen kehitys. Helsinki: Helsingin yliopiston suomen kielen laitos, 1991. 193 s.
 16. Lehtinen T. Kielen vuosituhat. Suomen kielen kehitys kantaauralista varhaisuomeen / SKS, Tietolipas 215. Helsinki, 2007. 305 s.
 17. Mielikäinen A. Uskonnollisen suomen kielen kehitys Agricolaasta nykypäivään // Sanaa tutkimassa. Näkökulmia uskonnolliseen kieleen ja sen käyttöön / toim. R. Nissi, A. Mielikäinen; SKS, SKST 1398. Vantaa: Hansaprint, 2014. S. 29–68.
 18. Parvio M. Yx Kijtossana ia Rucous wden vuoden päivänä. Suomalainen saaranatuoliliturgia 1500-luvulla / SKS. Vaasa, 1983. 69 s.
 19. Peltonen K. V. Raamatun oletettu esisuomenos Piispa Eerik Sorolaisen teoksissa esiintyvien Raamatun-sitaattien valossa / Suomen kielen lisensiaattityö. Turun yliopiston suomen kielen laitos. Turku: Turun yliopisto, 1960. 499 s.
 20. Rapola M. Suomen kirjakielen historia pääpiirteittäin. Vanhan kirjasuomen kirjoitus- ja äänneasun kehitys. I / SKST 197. Helsinki, 1965. 356 s.
 21. Sanaa tutkimassa. Näkökulmia uskonnolliseen kieleen ja sen käyttöön / toim. R. Nissi, A. Mielikäinen / SKS. Helsinki, 2014, 345 s.
 22. Wiik K. Suomen kielen morfofonologian historia I. Nominien taivutus 1649–1820. Turku: Turun yliopisto, 1989. 176 s.
 23. Wiik K. Suomen kielen morfofonologian historia II. Nominien taivutus 1820–1845. Turku: Turun yliopisto, 1990. 210 s.
 24. Wiik K. Suomen kielen morfofonologian historia III. Nominien taivutus 1845–1850. Turku: Turun yliopisto, 1991. 260 s.
 25. Yhteistä kieltä tekemässä. Näkökulmia suomen kirjakielen kehitykseen 1800-luvulla / toim. K. Huumo, L. Laitinen, O. Paloposki / SKST 979. Helsinki, 2004. 380 s.

Поступила 05.01.2019, опубликована 29.03.2019

OLD FINNISH LANGUAGE AND WRITTEN FINNISH LITERATURE IN 1560–1640

Nadezda S. Bratchikova,

*Doctor of Philology, Professor, Department of Finno-Ugric Philology,
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia), n.bratchikova@mail.ru*

The genesis of the old Finnish language (1560-1640) is unique due to two historical reasons: first, the literature of this period was religious; secondly, religious and literary languages represented a single entity.

The material of the study was the texts of the period of Catholicism and early Lutheranism (1560-1640). The author employed the analysis of semantic models, rhetorical devices, language structures (helped to identify the peculiarities of the formation of the old Finnish language and the reasons for the growth of its influence on the audience), content analysis of texts (allowed to trace the stages of transition in the church service from Latin and German to Finnish) were used. Comparison of folk texts with the translated ones revealed their common features (repetitions at the level of phrase and alliteration). The development of Old Finnish language was decelerated by the excessive use of the Latin language. However, by the middle of the 16th century, the external and internal political situations in Finland were in favour of using the Finnish language as an instrument of religious authority and a means of cultural influence on society.

The written literature of Finland in the studied period was of a translatable state. The translated literature was pivotal in the formation and development of verbal art. Educated people (Justen, Finno, Hemminki from Mask, Sorolainen and L. Petri) made a vast contribution to the written language. Due to them, it was enriched with various forms of dialects and a greater lexicon.

Key words: the history of Finnish language; translated literature; prayers; means of influencing on the audience; linguistic and stylistic methods.

For citation: Bratchikova NS. Old Finnish language and written Finnish literature in 1560–1640. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2018; 4: 14–33. (In Russian)

REFERENCES

- Golyshkina LA. Rhetorical text as a tool to overcome conflict. *Lingua mobilis*. 2014; 2 (48): 46–54. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/v/ritoricheskiy-tekst-kak-instrument-preodoleniya-konflikta> (accessed: 10.12.2018). (In Russian)
- Pikkio R. Old Russian literature. Moskva; 2002. (In Russian)
- Pikkio R. SLAVIA ORTHODOXA. Literature and language. Moskva; 2003. (In Russian)
- Polezhaeva AE. The second South Slavic influence in Russian hagiography. Formation of the style of “weaving words”. *Vestnik MGLU = MGLU Herald*. 2012; 4 (637): 117–127. (In Russian)
- Prohvatilova OA. Extralinguistic parameters and language characteristics of religious style. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Iazykoznanie*. = Bulletin of Volgograd State University. Ser. 2: Linguistics. 2006; 5: 19–26. (In Russian)
- Hakulinen L. The development and structure of the Finnish language. Phonetics and morphology. Moskva; 1953; 1. (In Russian)
- Agricolan aika. Helsinki; 2007. (In Finnish)
- Häkkinen K. Erasmus Rotterdamlaisen Cullainen kiria. *Suomennoskirjallisuuden historia I*. Helsinki; 2007: 59–63. (In Finnish)
- Häkkinen K. Mikael Agricolan teokset ja kieli. *Agricolan aika*. Helsinki, 2007. (In Finnish)
- Häkkinen K. Mistä sanat tulevat. Suomalaista etymologiaa. Helsinki; 1997. (In Finnish)
- Häkkinen K. Suomalainen kirjallisuus Ruotsin vallan aikana. *Suomennoskirjallisuuden historia I*. Helsinki; 2007: 24–47. (In Finnish)
- Häkkinen K. Suomen kielen historia 2. Suomen kielen tutkimuksen historia. Turku; 2008. (In Finnish)
- Kolehmainen T. Virsikirjan suomennoshistoriaa. *Suomennoskirjallisuuden historia I*. Helsinki; 2007: 69–81. (In Finnish)

14. Lauerma P. Aluemurre vai murteiden yhdistelmä? Keskustelu kirjakielen perustasta 1800-luvun alkupuolella. *Yhteistä kieltä tekemässä. Näkökulmia suomen kirjakielen kehitykseen 1800-luvulla*. Helsinki; 2004: 136–176. (In Finnish)
15. Lehikoinen L, Kiuru S. Kirjasuomen kehitys. Helsinki; 1991. (In Finnish)
16. Lehtinen T. Kielen vuosituhanet. Suomen kielen kehitys kantaauralista varhaisuomeen. Helsinki; 2007. (In Finnish)
17. Mielikäinen A. Uskonnollisen suomen kielen kehitys Agricolaasta nykypäivään // *Sanaa tutkimassa. Näkökulmia uskonnolliseen kieleen ja sen käyttöön*. Vantaa; 2014: 29–68. (In Finnish)
18. Parvio M. Yx Kijtossana ia Rucous wden vuoden päivänä. Suomalainen saaranatuoliliturgia 1500-luvulla. Vaasa; 1983. (In Finnish)
19. Peltonen K. V. Raamatun oletettu esisuomenos Piispa Eerik Sorolaisen teoksissa esiintyvien Raamatun-sitaattien valossa. Turku; 1960. (In Finnish)
20. Rapola M. Suomen kirjakielen historia pääpiirteittäin. Vanhan kirjasuomen kirjoitus- ja äänneasun kehitys. I. Helsinki; 1965. (In Finnish)
21. Sanaa tutkimassa. Näkökulmia uskonnolliseen kieleen ja sen käyttöön. Helsinki; 2014. (In Finnish)
22. Wiik K. Suomen kielen morfofonologian historia. I. Nominien taivutus 1649 – 1820. Turku; 1989. (In Finnish)
23. Wiik K. Suomen kielen morfofonologian historia II. Nominien taivutus 1820–1845. Turku; 1990. (In Finnish)
24. Wiik K. Suomen kielen morfofonologian historia III. Nominien taivutus 1845–1850. Turku; 1991. (In Finnish)
25. Yhteistä kieltä tekemässä. Näkökulmia suomen kirjakielen kehitykseen 1800-luvulla. Helsinki; 2004. (In Finnish)

Submitted 05.01.2019, published 29.03.2019